

Анн Бренон

ГРАФСКАЯ СЕМЬЯ ДЕ ФУА: PARATGE И ЕРЕСЬ.

перевод Натальи Дульневой

С 1188 по 1302 год графы де Фуа сделали свои владения у подножия Пиренеев землей ереси. Сопrotивляясь крестовому походу, подозреваемые трибуналами Инквизиции, графы придерживались своей веры до самой смерти. Сага об их семье могла бы быть полностью посвящена религии катаров.

Письменные свидетельства того, что в Фуа есть замок, датируются уже 987 годом, но только в 1290 году он становится графской резиденцией. В течение двух столетий он был душой окситанского сопротивления во время крестового похода против альбигойцев. Расположенный в месте,

считавшимся неприступным, этот замок играл определяющую роль в военной истории. С 1930 года в нем находится музей департамента Арьеж.

Когда в марте 1302 года в своем замке в Тарасконе-на-Арьеже умер граф Роже Бернат III де Фуа, его кончина означала конец более чем столетнего вовлечения его династии в дело *paratge* и ереси. Его сын Гастон I де Фуа-Беарн, а вместе с ним, разумеется, и его наследники, вплоть до знаменитого Фёбуса и далее, больше не питали к катаризму нежных чувств своих предков. Хотя это вовсе не мешало им четко придерживаться дерзкой политики пиренейской независимости, лавируя между королевствами Франция, Арагон, а вскоре и Англия.

В XIII веке воинственная семья де Фуа, без сомнения, была той, которая оказала наибольшее сопротивление армии крестового похода против

альбигойцев. На фоне поражений, грабежей и костров, разрушивших окситанские города и *castra*, это маленькое пиренейское графство оказалось настоящим островом упорства. В то время, как Каркассон и Тулуза были несколько раз взяты, укрепленный форпост Фуа никогда не сдавался.

Это также была самая откровенно еретическая семья среди высокородной средиземноморской аристократии. В то время, как династия Тренкавелей, виконтов Альби, Каркассона и Безье, а также престижный линияж Раймонда Тулузского, были обвинены папством в склонности и защите ереси на своих землях и, как следствие, были раздавлены крестовым походом папы, а затем королевским завоеванием, графская семья де Фуа единственная ловко выпуталась из затруднительного положения; при этом всем она физически и непосредственно была вовлечена в дела запрещенной Церкви, дав ей духовных лиц и даже мучеников.

Роже Бернат III, умерший в 1302 году, подобрал в себя качества правнука, двоюродного правнука, внука и двоюродного внука Добрых Женщин; кроме того, он был двоюродным внуком *верующего* рецидивиста, умершего на костре; а также являлся прямым наследником прадеда и бабушки, эксгумированных и сожженных по приговору Инквизиции.

Его прадед, Раймонд Роже де Фуа (1188-1223), граф времен славного сопротивления Симону де Монфору, сам был супругом, братом и даже отцом *Добрых Женщин* – что совершенно не помешало ему быть похороненным в 1223 году в цистерцианском аббатстве де Бульбонн. Все эти первые годы XIII столетия, в сопровождении своих близких, он навещал свою бывшую супругу, графиню Фелипу, *Добрую Женщину*, в ее монашеском общинном доме, в *castrum* Дюн, где проповедовал катарский диакон Гийом Клерг.

Эксслармонды. Добрые Женщины катарской веры.

В 1204 году в Фанжу он присутствовал при посвящении своей сестры Эксслармонды, вдовы виконта де Иль-Журден, из рук Гвиберта де Кастра, Старшего Сына катарского епископа Тулузен. Если верить *Canzo* (Песнь о крестовом походе против альбигойцев), то именно существование этой сестры Доброй Женщины – а не ересь его супруги - было предметом горьких упреков графу де Фуа со стороны папы на Латеранском Соборе в 1215 году, как и несурзные попреки по поводу покровительства еретическому гнезду в Монсегюре. Следжует сказать, что если верить другой хронике, еретическая сестра Раймона Роже, более известная, чем ее еретическая золовка графиня Фелипа, осмелилась взять слово во время диспута, происходившего в Памье в 1207 г. между цистерцианскими легатами папы и еретическими ораторами, что привело к тому, что католическая сторона довольно грубо отослала ее к прялке.

После своей смерти в 1223 году граф Раймонд Роже оставил совсем юную дочь, тоже по имени Эксслармонда. В 1236 году ее брат Роже Бернат II выдал ее замуж за одного из своих непокорных вассалов Берната д'Айю, совладельца Доннезан, в знак примирения между ними. Скорее всего, выращенная в катарской вере, как и все дамы семейства де Фуа в те времена, Эксслармонда д'Айю закончила свою жизнь *Доброй Женщиной*.

Сын Раймонда Роже, граф Роже Бернат II де Фуа (1223-1241), выращенный, как и сестра, добрым верующим своей матерью, *Доброй Женщиной* Фелипой, а потом своим опекуном Понсом Адемаром де Рудейль, которые очень стратегически женил его, когда тот был совсем еще ребенком, в 1202 году, на Эрмессенде, наследнице горного виконтства Кагельбо, и тем самым расширил графство Фуа по другую сторону Пиренеев. После смерти его тестя Арнота в 1226 году, граф де Фуа стал виконтом де Кагельбо, и это

привело к сложным и запутанным проблемам пиренейского вассалитета от графов Барселонских, ставших королями Аргона, и особенно к бесконечному соперничеству с епископами Уржеля. Следует сказать, что виконтство Кастельбо под влиянием семейства де Фуа стало значительным очагом ереси и укрытием для окситанских *верующих* и *добрыхлюдей*, которые бежали от преследований. Сам виконт Арнот умер, получив утешение. И его дочь, графиня Эрмессенда де Фуа, в свою очередь умершая в 1230 году, тоже достигла счастливого конца из рук *добрых людей*. Все это принесло графу де Фуа Роже Бернату II, зятю и вдовцу, но также наследнику и преемнику, огромные проблемы с епископом Уржеля, Инквизицией Арагона и даже Инквизицией севера Пиренеев...

Глубоко верующие семьи.

Кроме графской династии, которая в XIII веке была со всех сторон вовлечена в трагедию Монсегюра, сам край был открыто катарским; и таким он оставался еще долго после великого поворота 1244 г. В религиозном смысле графство Фуа находилось под юрисдикцией катарской Церкви Тулузен, епископы которой, Гвиберт де Кастр, а затем Бертран Марти, жили в Монсегюре с 1232 по 1244 год. В Сабартес был специальный диакон – Раймонд Агуйе, который, часто в обществе своего брата Жирота, жил в Тарасконе. С другой стороны Пиренеев, для Каталонии, были престолы в Кастельбо и Жоза – там был Пейре де Корона, или де ля Курон, родом из Рабат. Самые главные семьи сеньоров – де Мирпуа, Дюн-Арвинья, Перейли в землях д'Ольм, Шатовердены в Сабартес, де Рабат в высокогорьях Фуа, д'Айю-Уссон в Доннезан, де Миглос в Викдессу, как и большая часть мелкой знати, были верующими, принимавшими у себя *добрых мужчин* и *добрых женщин*, слушали их проповеди, участвовали в жизни Церкви.

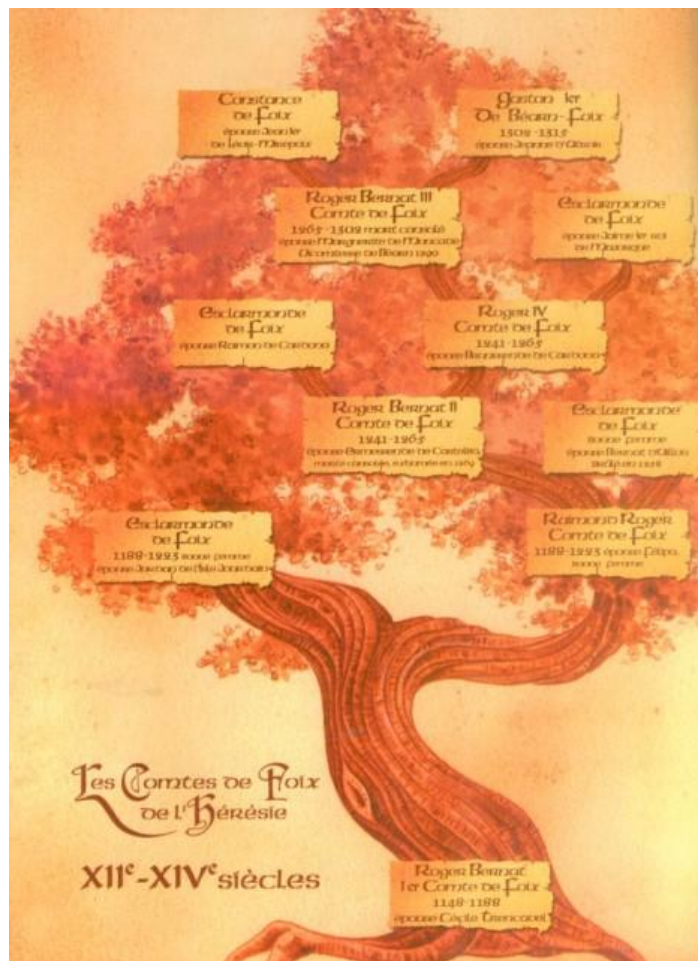
После падения Монсегюра и усиления влияния Французской короны в Каркассоне и Тулузе, это светское катарское общество не повернулось к королю

Людовику IX (Святому Людовику), который вместе со своим братом Альфонсом, графом Тулузским, проводил некоторую политику умиротворения – потому что оно было защищено квази-независимой графской династией. Также, в отличие от большинства крупных семей графства Тулузского и виконтств Тренкавеля, катарская интеллигенция графства Фуа во второй половине XIII столетия практически оставалось непоколебимым в своих городах и *castra*.

Травимые Инквизицией.

Однако графы не могли постоянно защищать это общество от Инквизиции, которая постепенно была установлена и организовывалась, начиная с 1233 года. Сами графы, будучи отпрысками еретического поколения, были все более и более непосредственными целями религиозной полиции; каждый раз, когда позиции графа ослаблялись, Инквизиция тут же пользовалась ситуацией. Они были мишенями для арагонской Инквизиции за виконтство Кастельбо, и для каркассонской Инквизиции за графство Фуа. Роже IV де Фуа (1241-1265), сын Роже Берната II и Эрмессенды де Кастельбо, унаследовал тяжелое религиозное прошлое. Его отец вынужден был перед смертью заключить мир с епископом Уржеля, который в 1237 году осуществил против еретического виконтства Кастельбо разрушительную полицейско-религиозную операцию (45 сожженных, 18 эксгумаций, 2 разрушенных дома, 15 осужденных заочно). Граф Роже, обязанный заплатить Церкви долги, и не поддержав Раймонда VII Тулузского в случае с Монсегюром, не мог, однако, помешать тому, что его дядя Бернат д'Айю был сожжен за рецидив 4 сентября 1258 года в Перпиньяне – в то время, как его тетя Эсклармонда, сестра его отца, доблестного Роже Берната II, закончила свои дни как *добрая женщина* в подполье. Во время следственных действий в 1246-48 гг. инквизитор Бернар де Ко тщетно пытался потревожить память покойного графа. Между 1263 и 1265 гг. инквизитор Этьен де Гатен, поддержанный отрядами сенешаля Каркассона,

совершал грубые вторжения в Фуа, допрашивая офицеров самого графа, подозреваемых в ереси. Этот посмертный процесс Роже Берната II закончился скандалом – бальи Мазере, верный бывшему графу, заявил, что его пытали, чтобы выбить показания, а граф Роже IV обратился к папе и королю... Конечно же, Роже Бернат III в 1265 году унаследовал ключевую политическую позицию, позволявшую ему вести игру, лавируя между королевствами Франция и Арагон; но также глубоко еретические и бунтарские край и общество, хотел он того или нет. Ситуацию усугублял серьезный конфликт с религиозными властями, которые угрожали покойным членам сильной династии «*еретической породы*» (выражение инквизиторов), молодым отпрыском которой он был. 2 ноября 1269 года инквизиторы Арагона, более удачливые, чем их каркассонские коллеги, осудили его предков, Арнота и Эрмессенду де Кастельбо, на эксгумацию и посмертное сожжение, а сам он вынужден был выкупать виконтство у короля Арагона за 45 тысяч барселонских су.

Католические Каркассон и Тулуза.

В двух случаях, когда политическая дерзость приводила графа Роже Берната III в тюрьмы сначала короля Франции (1272-73), а затем короля Арагона (1280-83), каркассонская Инквизиция пользовалась этим для проникновения в графство Фуа, чтобы изводить его знать и людей. Но каждый раз власть графа удивительным образом восстанавливалась и даже усиливалась. Последние годы XIII века, когда бывший нотариус и друг Роже Берната III, Пейре Отье, ушел в Италию обучаться и получить посвящение катаров, с целью вернуться и реевангелизировать край, граф де Фуа, кажется, не обращал внимания на то, что весь мир вокруг изменился.

Картина 19 века, изображающая покорение графа де Фуа королю Франции

Когда в Каркассоне и Тулузе были введены новые порядки, королевские и католические, когда во всей Европе всемогущая Инквизиция праздновала свой безраздельный триумф над ересью, осознавал ли граф Роже Бернат, что его высокогорье все еще остается живым очагом катарской духовности, являющейся составной частью старинной христианской традиции его семьи и общества? И что он сам остается для этих монахов, абсолютно запрещенных в других местах, безусловным – хоть и хрупким – фактором надежды?

Когда 2 марта 1302 года умер Роже Бернат III де Фуа в своем замке в Тарасконе, он тайно получил утешение из рук *доброго человека* Пейре Отье, который, перед своим обращением был его сообщником и советником по арагонским делам. Это подпольное предприятие было организовано Гийомом Байартом, графским байли города. Граф, *добрый человек* и байли. Три последних отпрыска старой «еретической породы» хорошего общества графства, мира, который умер вместе с ним. Начиная с 1308 года, Гастон I де Фуа пустил каркассонскую Инквизицию резвиться на своих землях. Байарты, как и другие, вскоре становятся остоянными жертвами травли Инквизиции,

Пейре Отье и его товарищи были сожжены в Каркассоне и Тулузе, а их верующие из Акса и Монтайю были преследуемы до самой Испании.